

УДК 316.334.2:336 (470+571)
ББК 60.561.2(2)
В 67

Ю.Ю. Волков,

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +7863-264-17-55, e-mail: y-y-volkov@yandex.ru

СУБЪЕКТНОСТЬ РОССИЙСКИХ ФИНАНСИСТОВ: ВЛИЯНИЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ НОРМ

(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье осуществляется попытка проанализировать влияние неформальных норм на алгоритмы финансовой деятельности и выявить, в какой степени российские финансисты ориентированы на оценку неформальных норм в рамках институциональных стратегий в финансовой сфере. Автор статьи считает, что для российских финансистов свойственно принимать неформальные нормы как инструмент реализации целей в ситуации неэффективности формальных норм. Этот вывод позволяет говорить о том, что в сложившейся институциональной системе неформальные нормы, с одной стороны, повышают степень субъектности, автономности финансистов, с другой стороны, воспроизводят схему ситуативной оценки формальных норм.

Ключевые слова: неформальные нормы, формальные нормы, субъектность, институциональная система, финансисты.

Yu.Yu. Volkov,

Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of Department of Economic Sociology and Regional Government, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +7863-264-17-55, e-mail: y-y-volkov@yandex.ru

SUBJECTNESS OF THE RUSSIAN FINANCIERS: INFLUENCE OF INFORMAL NORMS

Abstract. In this paper, an attempt is undertaken to analyze influence of informal norms on algorithms of financial activity and to reveal, in what degree the Russian financiers are focused on an assessment of informal norms within institutional strategies in the financial sphere. The author states that it is peculiar for the Russian financiers to accept informal norms as the tool to implement the goal in a situation of an inefficiency of formal norms. Hence, in the developed institutional system, informal norms, on the one hand, raise degree of subjectness and autonomy of financiers, on the other hand, reproduce the scheme of a situational assessment of formal norms.

Keywords: informal norms, formal norms, subjectness, institutional system, financiers.

Говоря о неформальных нормах, и др.) с неформальными нормами следует учитывать, что в теории связывается некое позитивное со- неоинституционализма (Д. Норт держание. Смысл состоит в том,

что институциональная система не может быть жестко ригидной и тотальность формальных норм не является критерием абсолютно-го функционирования институтов. Действительно, в сложившиеся институциональной системе российского общества неформальные нормы имеют двойное значение, определяя одновременно и пространство возможностей, и порождая стагнационные явления, приверженность отказу от инноваций и рисков.

Можно говорить о том, что формальные нормы создают ситуацию неполноты деловых контрактов и вынуждают действовать в рамках финансовой ренты. Отмечается, что механизм институционального проектирования и неопределенность выступают в качестве системной характеристики либеральной рыночной институционализации. Олигархизация финансового капитала в 1990-е годы не спасла от обрушения, так как стремление к влиянию на власть создало ситуацию вытеснения легитимных норм. Иными словами, формальные нормы господствуют, если неформальные институты обнаруживают неэффективность. Это не достигается только однородностью институтов и локализацией неопределенности в отношениях как внутри финансовых институтов, так и с государственными структурами.

Учитывая, что неформальные нормы проявились в самом характере становления российского финансового капитала и в том, что первыми финансистами стали кооператоры, люди далекие или слабо представляющие роль, специфику функционирования финансовых механизмов, можно говорить о «родимых пятнах» российского финансового капитала. Но если посмотреть на эволюцию институциональной структуры финансовой сферы в последующий период, то обнаруживается, что в наиболее выигрышной ситуации оказались финансовые

структуры, перешедшие на режим перевода неформальных норм в формальные, адаптации неформальных и формальных норм.

Это выразилось в двух стратегиях. Первая заключалась в постепенном избавлении от теневых форм деятельности и перехода в рамки легального финансового бизнеса. Вторая – в работе «с чистого листа», в создании финансовых структур, работающих по европейским стандартам. Если исходить из того, что с неформальными социальными нормами ассоциируется дисфункциональность и дефицит легитимных механизмов, то лидерами должны стать заново создаваемые финансовые структуры. Однако успех в финансово-банковской сфере зависит от удаленности / близости к властным структурам.

Еще в начале 2000-х годов финансовые структуры строились по принципу доверительности: наиболее доверенные, доверенные и отдаленные от доверия финансовые структуры. Именно по этому принципу приписывалась возможность негативного вмешательства государства в их деятельность. Субъектность финансового капитала при этом ставилась под вопрос в том смысле, что предполагался зависимый сценарий развития финансовых структур.

В то же время, неформальные нормы воспринимались как способ расширения свободы и, тем самым, сферы личной ответственности. Такой путь предполагал, что финансовые структуры первого типа оказываются в реально предпочтительном положении, так как учитывают и не сторонятся использования неформальных связей, сильны негласными обязательствами и, в отличие от легалистской позиции, обладают в большей степени сопротивляемостью государственному интервенционизму. По этому поводу И. Дискин писал, что нужен компромисс между повышением легальности и ужесточением

формальных норм, с одной стороны, и социальными реалиями – с другой [1; 42].

«Мягкая» институциональная среда, как желаемое состояние, таким образом, допускает неформальные нормы как проекцию социальных реалий на состояние институциональной среды. Что имеется в виду? Вероятно, учитывается несоизмеримость ликвидности российских и зарубежных структур. Фактором повышения конкурентоспособности отечественного финансового бизнеса выступает возможность выстраивания допущения неформальных отношений, определенных компромиссов с законом, действием вне навязываемых правил (особенно, что касается глобальных финансовых структур).

Во-вторых, изменения в институциональной среде не являются самоцелью. Стабильность внутриинституциональных отношений играет в пользу неформальных норм – норм, связанных с допущением различных сделок и компромиссов для предупреждения конфликтных ситуаций [2; 209]. В-третьих, неформальные нормы снижают возможность правовых и судебных издержек, связанных с выяснением отношений в судебных инстанциях и предоставлением правовых услуг, возможность договориться прививает чувство компромиссности, позволяет экономить и снижать трансакционные издержки.

С другой стороны, российский финансовый капитал нуждается в социальном доверии, но начать этот путь можно только путем установления правового коридора. В рамках осуществляемых финансовых практик очевидно, что рост адаптивного потенциала, настроенный на расширение неформальных связей, формирует выбор в пользу деформализации норм. Российский финансовый капитал ушел от состояния вынужденной теневизации, но и требует повышения уровня прозрачности. Доступ к финансовым

ресурсам расширяется, если созданы надежные, исключаяющие саботаж правовых норм, механизмы.

Организационные ресурсы финансового капитала нацелены на то, чтобы сформировать правовое представительство путем лоббирования интересов во властных структурах. Но при этом следует учитывать, что часто для достижения этих целей используются неформальные практики, ставшие правилом привлечения круга близких, чиновников на занятие должностей в финансовых структурах, а это означает, что существует практика непрямого подкупа. Это снижает уровень конкурентности внутри финансовой среды, так же как и потребность в профессионализме, как критерии субъектности.

Можно говорить также и о том, что теряется такой параметр субъектности финансового капитала как автономность в принятии решений. Трудно ожидать эффективного подхода к решению финансовых проблем в условиях запутанности скрытыми обязательствами.

Формальные институты в российском обществе воспринимаются как институты государства, что связано с негативной коннотацией забюрократизированности. Неформальные институты вписываются в традицию «жить по смыслу и по понятиям», поэтому нельзя переоценивать позитивное влияние неформальных институтов, неформальных норм. В банковской сфере это может выражаться в практике сговоров, направленных на завышение стоимости финансовых услуг.

При том, что в России убытки кредитных учреждений уже достигли 22,6 млрд рублей [3; 2], можно говорить об «утаенных» доходах, о том, что финансисты, ориентированные на легальные схемы взаимодействия с государством, принимают неформальные нормы для обслуживания либо избранного круга клиентов, либо для того, чтобы существенно повысить

финансовую ренту. Суть сказанного заключается в том, что при достаточно высоком риске рынка кредитования (9,9 трлн руб.) просрочка составляет 435,9 млрд руб., что представляет критический уровень для функционирования легальных норм [3; 2]. Поэтому практики обращения к коллекторским структурам, действующим часто на границе флага, вызывают опасения в ренессансе теневых практик.

Заявлять так, что государство ушло из сферы противодействия неформальным нормам, значит чрезмерно упрощать проблему. Вернее будет сказать, что реализуя политику формализации отношений в банковско-финансовом секторе, государственные структуры не уделяют необходимого внимания для стимулирования позитивных неформальных норм, для создания страховых сетей, так же как и усиления неформального сектора общественного доверия.

Как писали авторы исследования «Социальный капитал и социальное расслоение в современной России», доверие, сотрудничество, взаимодействие имеют решающее значение для функционирования общественного сектора [4; 28]. Это же относится и к финансовой институциональной среде. Сформировавшийся корпоративный код поведения призван регулировать ситуации до суда, тем самым поддерживая репутацию финансовой системы и снижая, как мы отметили ранее, трансакционные издержки. Однако при этом следует помнить, что формальные нормы оставались и остаются приоритетными в функционировании финансового капитала. Образно говоря, финансисты выступают пусть и «хищником», но с законом на устах.

В этом смысле можно говорить о трех типах взаимодействия неформальных и формальных норм в сложившейся институциональной среде. Первый связан с

формализацией, упрощением, вытеснением неформальных норм в сферу межличностного, непрофессионального общения. Этот путь закреплен декларативно, так как в реальности нельзя представить институциональное функционирование вне влияния неформальных норм. Что касается их проникновения в профессиональную среду, то, как показывает опыт Бинбанка, Банка «Связной», часто упор на формализацию оборачивается деформализацией профессиональной деятельности, требования к приоритету формальных норм без учета сложившихся неформальных практик и в обществе, и в профессиональной среде может снизить стабильность финансовой системы.

Второй путь определяется тем, что формальные и неформальные нормы находятся в динамическом равновесии, что происходит процесс исключения старых норм и актуализации неформальных норм, адекватных сложившейся ситуации. Оценка данного варианта зависит от того, какова стратегия конкретного финансового сообщества, с каким кругом клиентов имеет дело, каковы страховые механизмы. Кстати, необходимо сказать, что банковские резервы под потенциальные убытки достигли 715,6 млрд рублей [5].

Признавая руководящую роль государства, которое применяет практику принуждения к росту банковских резервов, чтобы снизить вероятность финансового кризиса, следует говорить о том, что эта среднестатистическая благополучная цифра скрывает неоднородность позиций банковских структур и стоящих за ними групп финансов. Чем выше уровень сплоченности в финансовой среде, тем вероятней оптимальный сценарий использования страховочных ресурсов. В российском финансовом сообществе наблюдается противоречивая ситуация: накопление страховых фондов не сопровождается

созданием соответствующих сетей взаимопомощи. Прирост вероятнее получен за счет крупных банков, в то время как мелкие и средние банки все больше становятся финансовыми пирамидами с худшими шансами.

Мы можем говорить о том, что засилие неформальных норм, если брать третий вариант, влечет за собой деформализацию формальных. Этот сценарий можно назвать нежелательным, так как нам кажется, что усиление анархизации финансового сектора повышает степень неопределенности, а финансисты становятся зависимыми от сочетания случайных факторов. Дж. Фридман и В. Крауз пишут, что критика рейтинговой системы не отменяет оценкой вероятности критики бизнеса и инвестиций [6; 29]. Финансисты начинают быть обеспеченными перспективами собственной неплатежеспособности, будучи застрахованными со стороны государства.

Проблема, следовательно, не в том, чтобы снизить влияние формальных норм, важным является приведение, балансирование формальных и неформальных норм в допустимом пределе, связанном со спецификой финансовой деятельности. Так, вероятно, для сферы кредитования вполне возможно применение критерия доверия вместе с усилением деятельности формальных норм. Если мы говорим о сфере инвестиций, то здесь ясно, что вне веры финансистов в возможность возврата кредитов трудно сделать какой-то значительный шаг.

Полагая, что российский финансовый капитал переориентировался на принятие формальных норм как избавление от груза 90-х годов, вместе с тем можно отметить, что формализация финансовой сферы не создала субъекта рационального действия, субъекта рыночной активности. Так как финансовый сектор работает не только по легальным схемам, но и испытывает

необходимость обслуживания доверенных лиц, существует риск влияния неформальных норм на уровень легальных решений.

Субъектность финансового капитала определяется в таком контексте способностью использовать неформальные нормы для нарастания социальной капитализации. Очевидно, что создание правовой легальной среды является только условием субъектности. Это осознают и представители финансового капитала: подчеркивая приверженность законности, они не отрицают действие неформальных норм, норм взаимопомощи и солидарности на уровне финансовых микрогрупп среди коллег. Короче говоря, являясь ориентированным на внедрение формальных норм, в неинституциональной среде допускается действие норм неформальных.

Следует понимать, что неформальные нормы в российском обществе обычно ассоциируются с обходом формальных, в то время как неформальные нормы, как социальный капитал, позволяют компенсировать «недостаток» работы государства в регулировании финансовой деятельности как деятельности, связанной с экономическими и социальными рисками.

Для российских финансистов это выражается в том, что, действуя в режиме расширения доступности финансов, растет востребованность в формальных нормах, поддержке и гарантированности государством легальных финансовых услуг. Таким образом, готовность к принятию неформальных норм может снижаться при удовлетворенности во взаимодействии с государством, и неформальные нормы могут иметь «замещающее значение», если государственный интервенционизм считается избыточным.

Не случайно можно говорить об ориентированности на взаимодействие с государством, поскольку для финансового сектора и, очень важно, для оценки состояния

субъектности не свойственен выход на использование опыта работы с негосударственным населением как возможным партнером в создании сетей поддержки финансовым капиталом. Внимание к неформальным нормам присутствует при сбоях, при определении приоритетов финансовой деятельности в качестве механизмов, способов. Так, заявка на учет ликвидности включает наработанные связи с государственными структурами.

При этом формальные нормы не выступают нормами обязательного действия. Сама процедура формализации связана с тем, чтобы ограничить поле публичности, открытости, сделать структуру более закрытой для оценки существующих финансовых процедур. Можно обнаружить определенную преемственность в том, что финансовые институты действуют по формуле возможного, исходят из модели потребления, прежде всего, российского среднего класса.

Между тем, эта группа, несмотря на высокий уровень ожидаемости, хотя и характеризуется более высокими показателями по сравнению с другими группами населения, не является группой, действующей и оказывающей позитивный мультипликативный эффект. Если

ядро среднего класса демонстрирует интерес к деятельности финансовых структур (40% открыли свое дело) [7; 52], то для периферии свойственно достаточно резкое снижение (26%). Фактически, у среднего класса не существует перспективы быстрого приращения: только 13% потенциального среднего класса готовы начать или открыли собственное дело. Это важный показатель для того, чтобы определить насколько действуют возможности формализации.

Во-первых, то, что формализованные структуры могут оказывать забюрократизированные услуги, является стимулом для работы иллегальных и полуполитических структур, которые ловко обходят закон о банковской деятельности, регистрируясь под видом кредитных ассоциаций или структур быстрого займа. Во-вторых, формальные нормы, действующие как желательные, востребованные на уровне взаимодействия с государством, не имеют устойчивого характера в рамках оказания финансовых услуг населению, и, следовательно, нормы доверия усиливают возможности избежать избыточной бюрократизации финансовых процедур, особенно в такой деликатной сфере как «работа с населением».

Примечания:

1. Дискин И.Е. Россия, которая возможна. М., 2011.
2. Посухова О.Ю. Социокультурные особенности карьерного пространства Юга России // Вестник МГИМО–УНИВЕРСИТЕТА. 2013. № 2. С. 207–213.
3. Обзор банковского сектора России. 25 мая 2014 г.
4. Социальный капитал и социальное расслоение в современной России. М., 2005.
5. Гладунов О. Кризис неплатежей уже рядом // Свободная пресса. 2014. 31 мая. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/88685/>
6. Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования. М., 2012.
7. Средний класс в современной России: десять лет спустя. М., 2014.

References:

1. Diskin I.E. Russia, which is possible. M., 2011.
2. Posukhova O.Yu. Socio-cultural features of the career area of Southern Russia // Bulletin of the MGIMO-University. 2013. No. 2. P. 207–213.
3. Review of the Russian banking sector. May 25, 2014

4. Social capital and social stratification in modern Russia. М., 2005.
5. Payments crisis is already there. Free Press. May 31, 2014.
6. Man-made financial crisis: system risks and the failure of regulation. М., 2012.
7. The middle class in contemporary Russia: ten years later. М., 2014.